Глава 28. Десятый уровень

Мужчина в белом костюме сидел за столом, окружённый множеством работающих экранов и визионов. Положив свою маску на край стола, организатор наблюдал лучшие моменты происходящего, выделяя фаворитов, и делая прогнозы на будущее.

На экранах творения природы схлестнулись с творением рук человека. Первоначальный хаос бойни плавно перетёк в ожесточённое сопротивление. И вот уже каждая пролитая капля крови сопровождается потерями в рядах механических чудовищ.

Заряды волновиков плавят трёхметрового дроида… Шестирукий робот вращается, кромсая рядом стоявших участников и освобождая себе путь к следующей цели… Кто-то, взрывая электро-гранату, даёт время своей команде перегруппироваться… Миниатюрный безоружный гомункул прыгает на спину парня, и кричит бедолаге в ухо, пока кровь из глаз и ушей не возвещают о кончине очередного человека.

Крики, вопли, проклятья и мольбы со стороны людей перемешиваются со скрежетом умирающих машин…

Группа воинов, прикрываясь силовыми щитами, и жаля противника копьями, неустанно пробивается сквозь строй машин, пока из-под земли не вырывается механическое щупальце, пронзая лидера и создавая брешь в защите, тем самым обрекая сопротивление на смерть…

Пот, кровь, и слёзы смешиваются воедино…

Кто-то голыми руками отрывает дроиду голову… Большеголовый гомункул, раскрывая свою непомерно большую пасть, поливает пламенем очередного участника… Программер, под защитой команды, берёт под контроль ближайших роботов и заставляет их уничтожать своих сородичей… Дроид-попрыгун, с пружиной вместо ног, прыгает по лежащим телам, добивая раненых и наказывая притворщиков…

Запах, запах металла, внутренностей и гари уже заполонил площадку…

Шквальный залп волновых пушек вынуждает игрушки кинуться врассыпную… Поджарив участника высоковольтным разрядом, гомункул подбегает к выведенному из строя импульсом дроиду, чтобы вернуть его в строй… Скрежет рассекаемой клинками металлической плоти заглушается яростными криками команды берсерков…

Маска на столе лже-судьи смеётся, и мужчина удовлетворённо откидывается на спинку кресла.

— Неплохо, неплохо, бодрое начало…

И пусть участники заслужили отдых — он знал, что многие в эту ночь в горячечном бреду будут переживать события столь недавнего кошмара…

***

Когда всё закончилось, и скрежет металла перестал разноситься над островом, выжившим предложили пройти в помещения, чтобы передохнуть и оказать своим товарищам первую помощь. Они и думать не смели, чтобы воспользоваться предложением, но организовавший это безумие ясно дал понять, что отказ от предложения будет расцениваться, как отказ от желания продолжать борьбу за свою жизнь. Поэтому, выжившие постепенно заполонили четыре идентичных по своей структуре здания.

Для участников были доступны первые этажи. Пройти выше было нельзя. Им это было и не надо: внизу было всё необходимое для отдыха, всё что нужно для переживших первое испытание. Комнаты, оснащённые оборудованием по оказанию первой помощи, ванной комнатой, забитыми едой холодильниками и довольно удобными спальными местами, должны били восстановить силы. Может, всё здесь и было слегка в устаревшей манере, зато участники чувствовали себя в безопасности, будучи уверенными, что кровать не окажется плотоядной ловушкой.

Команда Алактума, выбрав одну из комнат, некоторое время молча перевязывала друг другу раны. Благо, раны были несерьёзные, и беспокоиться сверх меры не приходилось.

— Тебя не сильно зацепило, — стараясь разрядить обстановку говорит Ким, перевязывая плечо сидящему на кровати Уме. — К утру сможешь не переживать, что рана откроется.

— Не могу поверить, что это происходит на самом деле, — в голосе Тессы слышны взволнованные нотки. — Ассоциация…

— Боюсь, — перебивает подругу монах, — что ассоциация понятия не имеет, что с нами сейчас происходит. Полагаю: они нас ищут, но также полагаю, что этот псих позволит им найти нас, только когда сам сочтёт нужным. Так что пока следует рассчитывать только на себя…

— Около ста двадцати, — пищит летающая вокруг Винсента голо-фея, — из двухсот участников выжило чуть больше ста двадцати.

— Потери можно отнести на неорганизованность действий и панику, — бубнит пытающийся прийти в себя врач, — быть может, если рассуждать здраво, то выживание не составит особого труда. Напоминает события «Ню Нова»…

— Хуже, — бросает своё слово Ума, — то, что происходит здесь — гораздо хуже. На турнире погибло меньше людей, чем ты думаешь… Кун?

— Я убивал не всех, — снимая свои мечи, и ставя их возле кровати, отвечает хантер, — отрубал руки, ранил, но погибали немногие. В основном мед персонал успевал оказать помощь пострадавшим… По крайней мере до беспорядков… Здесь же… — Кросс вздыхает, и ложится отворачиваясь к стене.

— Верно, — непонятно с чем соглашается Тесса, — нам лучше попытаться поспать. Кто знает, что ждёт нас завтра. Только давайте дежурить на всякий случай, будем сменяться каждые два часа. Есть добровольцы?

***

Битва не отпускала их даже во снах. Сны стали новым полем битвы, где ты не мог сделать ничего, кроме принятия повторения уже пережитых моментов…

Авинец заряжает обоймы боевыми патронами, теряет драгоценное время и не успевает избежать атаки прыгнувшего сверху гомункула. Снайпера прикрывает хантер-кросс, бросая кинжал в угрозу — робот падает, когда лезвие вонзается в его подобие головы, но тут же вскакивает, только чтобы быть расстрелянным в упор.

— На шесть часов! — кричит кто-то, и Ким швыряет в дроида лезвие формы полумесяца. Лезвие срезает противнику пол головы, и дело завершает Кун, разрубая синтетическое тело пополам.

— Тесса, сейчас! — доноситься знакомый голос капитана, и девушка незамедлительно бросается наперерез трёхметровому роботу-переростку. Пули безостановочно тарабанят по обшивке, но механический бугай, не обращая на это внимания, с размаху бьёт по участнице. Тесса атакует одновременно с ним. Звон оглушает всю команду, когда металл боевой перчатки сталкивается с металлом механической руки. На перчатке загорается красный индикатор, но наруч выдерживает. Рука робота отваливается. Искусственный плач прерывается, когда голова дроида раскалывается от последующего удара дамы.

Кун, вращаясь между двумя машинами, отрубает им ноги, позволяя Винсенту разрядить в них по обойме. Безоружный гомункул запрыгивает на спину кроссу, и вгрызается в череп воина. Хантер рычит, стрелок не успевает перезарядиться, и шею гомункула обвивает тонкая цепь. Ким рывком стаскивает тварь, и, активировав заряд цепи, поджаривает угрозу.

Один из роботов прорывается к неподвижно стоящему капитану, и потрёпанный доктор швыряет в механическое чудовище стеклянный шар. Шар разбивается, выпуская на волю нано-бактерии. Бактерии в считанные секунды пожирают неорганическую плоть, превращая гомункула в кучку коррозии.

Тесса усиленным ударом впечатывает в землю очередного врага. Кун швыряет в дроидов электро-гранату и добивает тех, кто ещё может двигаться. Винсент прикрывает товарищей по всем фронтам. Док устанавливает магнитную мину в бреши командного построения. Ким опутывает цепью шестирукого мясника, и тот, пытаясь освободиться, ломает свои конечности. Ума смотрит, сопоставляет, и отдаёт команды.

«Мы справимся! Мы сможем! — только эту мысль им и позволил капитан, — наша цель — защитить друг друга».

Внезапно Винсент даёт сигнал тревоги, прыгает, и стреляет себе куда-то под ноги: в песок. Из-под земли, пытаясь задеть стрелка, вырывается механическое жало-щупальце. Алая кровь от пореза окрашивает синюю кожу авинца, но тот не выказывает боли. Тесса успевает наручем заблокировать очередной удар отростка, но её отбрасывает в сторону. Хантер незамедлительно пронзает щупальце клинками, прибивая к земле и пытаясь удержать. Док выливает на механизм содержимое пузырька, отросток начинает рассыпаться, Кун с трудом успевает вытащить свои мечи, пока бактерия не добралась и до них.

Строй нарушен, команду Алакутум успели окружить игрушки-убийцы. Участники слишком сильно отдалились от общей массы сражающихся, и машины решили воспользоваться ошибкой людей.

— Сохранять спокойствие, — всё так же неподвижно говорит Ума, и искусственные чудовища бросаются в атаку.

Один из роботов наступает на мину, и электромагнитный импульс вырубает всех дроидов в радиусе десяти метров. Это даёт участникам немного времени. Доктор заливает раны товарищей антисептиком, Ким помогает Тессе подняться, и та приступает к перезагрузке своих перчаток, созданных по конструкции доспехов Урии и неуязвимых к излучению. Винсент же отбрасывает бесполезные пистолеты и достаёт из защищённого чехла новую партию.

— Нужно пробиваться к остальным, иначе нас окружат и задавят.

Никто не спорит. Команда условилась, что кроме капитана во время боя никто не проронит ни слова. Монах накидывает свой плащ, красный, с руническим символом на всю спину, слегка закатывает рукава, и даёт команду:

— Вперёд!

Они молча будят друг друга по очереди — в эту ночь никто не мог погрузиться в глубокий сон, и простого касания было достаточно. Каждые два часа дежуривший ложится спать, и его сменяет кто-то из команды. Последним разбудили Уму. Первый час монах потратил на разминку, второй — на воровство съестных припасов и наблюдение за спящими друзьями.

Он мог видеть: кому испытание далось легче, а кого мучали кошмары. Сам юноша считал, что ему повезло: он слишком сильно был сосредоточен на спасении команды, чтобы запоминать картины бойни, и тела тех, кому не посчастливилось её пережить…

…что же могло сниться любому в этой комнате?

Рвать, кромсать, стрелять, бежать.

Гомункулы пытались разделить их, ослабить и добить. И каждый шаг, приближавший их к остальным участникам, был сложнее предыдущего. Но это был единственный способ на спасение: место, где твари будут отвлекаться на других людей.

Кун выше всех похвал: хантер без колебаний истребляет любое не похожее на человека существо, оказавшееся в зоне поражения его мечей. Док кидает в скопление врагов пузырёк, и химический взрыв разносит человекоподобные устройства, заставляя звуки исчезнуть, а песок заполонить пространство. Лилиас разбрасывает с десяток бумерангов, летящих вокруг команды и одаривающих роботов порцией смертельного заряда. Винсент запрыгивает на спину одного из здоровяков и разносит металлический затылок доброй дюжиной выстрелов. Удары Тессы расшвыривают одного дроида за другим, не жалея потенциала перчаток и доверяя товарищам защиту своей спины. Ума ищет путь, и, казалось бы, находит…

Остаётся совсем немного, когда машинам удаётся сломить их строй. Кун слишком устал, чтобы отразить очередной выпад, и падает на пропитавшийся кровью песок. У Ким закончились снаряды способные остановить механическую угрозу, и ради спасения товарища ей приходится использовать обычные боевые иглы: две спицы вонзаются в «глаза» робота, лишая того зрения, но не делая его менее опасным. Ослепший дроид беспорядочно размахивает дубиной, отчего девушке сложнее предугадать траекторию удара, но она всё же бросается на землю, чтобы оттащить неподъёмное тело кросса подальше от взбесившегося куска металла. Маленький робот-недомерок с лезвиями вместо рук, уклоняясь от всех ударов Тессы, наносит ей порез за порезом. Большеголовый гомункул, раскрыв пасть, поливает Дока струями огня, и врач катится по песку, сбивая языки пламени с одежды. Винсент безостановочно стреляет, замедляя огромного робота с буром вместо руки — пули тормозят увальня, но не способны остановить.

Ума срывается с места. Спасая от очередной струи пламени, закрывает врача плащом и тут же несётся к огнедышащему гомункулу в пылающем одеянии. Большеголовый раскрывает свою пасть ещё шире, намереваясь испепелить монаха, но не успевает: юноша бьёт по челюсти — пасть захлопывается, и пламя разрывает гомункула изнутри. А Ума уже не здесь. Помогая Тессе, капитан перехватывает юркого недомерка и сминает голову робота, пока тот не утихнет. Монах бежит к здоровяку. Ким не успевает оттащить Куна, и вот уже дубина летит прямо на них. Девушка не успевает сделать выбор: рискуя своей жизнью попытаться остановить орудие, или позволить ему раздробить кости товарища. Дубина сталкивается с кулаком Тессы — рука в металлической перчатке раскалывает оружие, и следующим ударом девушка пронзает противника насквозь. Ким ничего не говорит, но облегчение в её взгляде говорит гораздо больше.

Капитан замер перед здоровяком. Искусство шестое — лианцуань. Змей девяти искусств падает, уклоняясь от руки-бура, и выкручивает ногу дроида. Тяжело. Очень тяжело. Но робот теряет равновесие и с грохотом падает, при этом поднимая облако песчаной пыли. Ума оказывается сверху и обвивает руку робота. Монах с усилием тянет конечность, пока бур вращается в нескольких сантиметрах от его головы. Юноша скалится от усилия — что-то скрипит, что-то лопается, и, наконец, оглушённый скрежетом, Ума отрывает механическую руку. Ещё не всё: капитан прыгает и вонзает оторванную конечность в здоровяка. Рука-бур проходит насквозь, прибивая хозяина к земле.

Док даёт Куну что-то понюхать, и хантер приходит в себя. Ким поливает раны подруги, а Винсент перезаряжается. Ума оценивает обстановку. Плохо. Очень плохо: дроиды приближаются со всех сторон, и в нынешнем состоянии команда просто захлебнётся в их атаке. Казалось бы, самое время для бегства, где каждый будет сам за себя. Спасутся не все, но хоть кто-то.

Слепой авинец замечает раньше капитана, и указывает в сторону общей массы участников: три силуэта вырываются из толпы, и пробивают путь к обречённым.

Юноша выругался: троица, обошедшая их на девятом уровне, спешила помочь. Курчавый силач выхватывает топор у одного из гомункулов и начинает кромсать любого, кто стоит у него на пути: по удару на каждого, больше не требуется. А вот и капитан со своими дурацкими дредами, следует сразу за товарищем и добивает ещё «живых» тварей из волновика. И прикрывает их человек с забинтованным лицом, метая капсулы с взрывчатым гелем в любое скопление врага.

Трио удаётся добраться до команды Алактума, и, пока последние помогают друг другу подняться, Ума набирает разгон, пробегая мимо группирующегося альянса.

— Топор! — кричит он, и хватает брошенное ему здоровяком оружие.

Тяжёлый, но не такой как «жнец», и близко не стоял. Змей начинает вращение, врезаясь в толпу новых противников, круша их, и позволяя союзникам передохнуть. Выигрывая столько времени, сколько нужно, столько, сколько потребуется…

Так они и пробивались к остальным: поддерживая раненых и отдавая себя битве без остатка. Только так они и смогли выжить. И к тому времени, как они объединились с остальными, участники вместо беспорядочной бойни начали оказывать организованное сопротивление…

***

Ассоциация гудела пчелиным роем. Председатель сидел на своём любимом ковре и, не открывая глаз, выслушивал обязательные отчёты о прохождении операции. Дела были плохи. Ужасно плохи: поисковая система, человеческие ресурсы и дроны-разведчики не могли определить маршрут ни одного транспортировочного бота.

Совет Веста так же не спешил оказывать помощь, но это было ожидаемо. Председатель бы не удивился, узнав, что совет тайно подрывает влияние ассоциации.

Тем не менее, обнадёживающих данных не поступало: сплошные тупики и фальсификация. Будто сама система не хотела найти пропавших участников. Не мог ублюдок в маске так хорошо спрятаться, не мог. Да и зачем он это делает — тоже вопрос.

— Мы отследили передвижение до тридцать мятой меридианы…

— Есть вероятность попадания вируса…

— С вами хочет поговорить президент корпорации «Поток».

Старик, не открывая глаз, указывает на офицера, что упомянул поток. Тот незамедлительно продолжает.

— Корпорация хочет помочь нам в поисках участников. Причины — неизвестны, однако задействуй они свои ресурсы — мы сдвинемся с мёртвой точки. Нам недостаёт такой связи с обывателями, как у потока…

Председатель открывает глаза:

— Соедините меня с ними…

***

— ВРЕМЯ ПРОСЫПАТЬСЯ! ВСТАВАЙ, ВСТАВАЙ, ШТАНИШКИ НАДЕВАЙ! ЧЕРЕЗ ЧАС ЖДУ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ! ВРЕМЯ ПРОСЫПАТЬСЯ… — знакомый голос продолжает оповещение ещё несколько минут, что не оставляет никому и шанса на продолжение отдыха.

— Вот мразь, — сонно шепчет Тесса, сползая с кровати.

Остальные решают молча готовиться к… предстоящим испытаниям. Готовиться ко всему. Быстрый душ, завтрак, проверка амуниции и, пока ещё есть время, врачебный осмотр.

— Ну что тут сказать, — стараясь сохранять беззаботность, тараторит Док, — Куну и Тессе советую ближайшие дни не напрягаться а, хи-хи, капитану, я хотел бы задать вопрос. Где была твоя хвалёная техника «стальных мышц», когда тебе разрезали руку? Тут есть два варианта: либо удары были настолько сильные точные и умелые, либо ты не так уж хорош в использовании этой техники…

— Ой, да заткнись, — сворачивая свой плащ, перебивает врача Ума, — у меня драма: мой плащ спалили, а ты мне ещё мозги компостируешь. Подумаешь, не успел вовремя напрячься… Давайте заканчивать со сборами, ненужный инвентарь, наверно, оставим в комнате, берём только самое необходимое…

Док фиксирует на ремне капсулы и бомбы, Ким укладывает в рукава спицы, Винсент прячет под плащом пистолеты, Тесса складывает в рюкзак перчатки, Кун поправляет свои клинки. Команда Алактума выдвигается, чтобы узнать, что пути на второй этаж уже открыты. И это оказались не обычные городскому обывателю переносные платформы или лифты, а лестницы, вылитые из раствора сцеплия, лестницы под стать выложенному из камней сооружению.

Шесть команд. Тридцать один участник. Примерное количество людей в каждом из блоков.

Команды пересекаются в коридорах, молча приветствуют друг друга и продолжают исследовать помещения. Одиноко шаркающий дуэт, что с трудом пережил вчерашнюю бойню и пытался сохранить ясность мысли; ничем не примечательная пятёрка, состоящая из одиночек и изгоев, готовых сменить команду при первой необходимости; восемь израненных берсерков, переполненных злобой, но не утративших здравомыслие; шестеро цикианцев, пытающихся делать вид, что всё под контролем; четверо то и дело осыпающих бранью весь белый свет рахдийцев — все они были готовы в очередной раз ступить на лезвие судьбы, где порой лишь

удача сможет сохранить тебе жизнь. И эта готовность открыла им двери, позволила пройти дальше, чтобы окунуть в омут безнадёжности…

Десять доступных комнат второго этажа. Только десять дверей, и никакого прохода на верхние этажи. Каждая команда заходит в одну из свободных комнат, где участники замечают отличие: изнутри стены были обнесены обшивкой. Прочной, ударостойкой… весьма ударостойкой. Понимание того, что выбраться отсюда будет довольно сложно, совсем не способствовало поддержанию командного духа. Оставалось только вздохнуть и пройти вглубь помещения, слыша, как за их спинами намертво закрывается дверная панель…

***

«Станьте дети, станьте в круг! Станьте в круг, станьте в круг!» — до бешенства знакомый голос Нуллы выдаёт подобие песни, отчего команде Алактума приходится невольно скривиться.

Однако круг и вправду был. В самом центре комнаты на полу развернулась разноцветная фигура идеально ровного круга. Цвета делили фигуру на десять ровных долей. Можно было выбрать любимый цвет, однако никто выбирать не спешил.

«Ну же, становитесь в круг! Только по одному человеку на деление!»

Они не хотят играть по правилам психопата, однако выбора не остаётся — Ума становится на тёмно-синюю часть круга, Док прыгает на красный цвет, Винсент — на белый, Кун — чёрный, Тесса — фиолетовый, Ким — салатовый. Цветовые доли подобия круговой диаграммы загораются под ногами участников приятным свечением, вдоль стен активируются экраны, а в центре появляется изображение человека в белом костюме…

«Итак, не советую вам сходить со своих цветов, — проекция щёлкает пальцами, и на потолке тут же активируются автоматические турели. — Я объясню вам, что нужно делать, однако не задавайте мне излишне глубинных вопросов, я всего лишь программное сознание организатора, не более. Вы сможете обратиться к господину Нулле только в случае противоречий, возникающих в процессе прохождения и неподвластных правилам ситуаций».

С потолка начинает светить невидимый глазу проектор. Луч света бежит по кругу, охватывая одного участника за другим. Один оборот, второй — луч начинает замедляться.

«Давайте же, наконец, сыграем в игру! Вы сейчас находитесь в кругу истязаний. Круг рассчитан на десять человек. Прямо сейчас программа в случайном порядке выберет цвет, который подвергнется испытанию. Если участник переживёт уготовленное, то он получает десять баллов. Чтобы освободить одного члена команды из круга, нужно потратить пятнадцать баллов. Также можно повысить ставку выигрыша ценой здоровья другого участника, или же прекратить испытание, заплатив уже известную цену в пятнадцать баллов…»

Луч проектора останавливается на жёлтом цвете. На пустой доле круга. Голограмма мужчины в маске задумчиво подпирает свой несуществующий подбородок: «Случай выбрал жёлтый цвет! Однако, так как в вашей команде всего шестеро участников, то при выборе пустых долей круга вы автоматически получаете десять баллов! Поздравляю! Это отличный пример того, что большое количество повышает ответственность и риски! Продолжим!»

Луч света набирает разгон, перебегая от одного участника к другому, скользя по кругу и вынуждая сердца биться быстрее. Красный, жёлтый, синий, зелёный, белый, чёрный, голубой, фиолетовый… салатовый.

Свечение под ногами Ким Лилиас начинает усиливаться. Проекция ведущего радостно хлопает в ладоши, маска на его лице не перестаёт улыбаться.

«Отлично, выбранный участник, пройдите в комнату испытания!»

Одна из дверей плавно отъезжает в сторону, Ким неуверенно идёт к проходу, экраны на стенах начинают трансляцию странного помещения.

«Внимание остальным! До начала испытания, для повышения выигрыша вы можете сделать ставку уже полученными очками, можете также поставить на кон свои жизни или части тела, однако баллы, что участвуют в ставках, не могут быть использованы для спасения участника на испытании».

— Предлагаю не спешить, — задумчиво говорит Тесса.

— Я согласен, — кивает Док.

— Ну, не знаю… — считает что-то на пальцах Ума, — всё равно у нас только десять баллов, если что, то мы не сможем спасти Ким.

— Не факт, — перебивает юношу фея, и обращается к программе. — Как оценивается ставка жизни?

«Жизнь оценивается в десять баллов. Можете поставить какую-либо часть тела, но следует уточнить её стоимость, ведь цены варьируются в зависимости от важности органа».

— А можно…

«Увы, время обсуждения вышло! Участник салатового цвета приступает к выполнению испытания „Охота и пузыри“! Необходимо находясь в невесомости поймать дрона-летуна! Подсказка: опасайтесь пузырей!»

Участники смотрят на экраны, транслирующие происходящее по ту сторону. Товарищи видят, как Ким отталкивается от стен и парит по двухэтажному помещению, безуспешно пытаясь догнать дрона. Робот слишком быстр, чтобы появился хотя бы шанс на его поимку. Ещё больше задачу усложняют десятки летающих шаров. Благо они небольшие, что позволяет участнице избегать столкновения. Два типа шаров: красные и чёрные. Ким не знает, в чём их функциональное отличие, поэтому раз за разом упускает свою цель, вынужденная уклоняться от возможной угрозы.

Дрон, казалось бы, издевается над ловкой преследовательницей, подпуская поближе, только чтобы неожиданно сорваться с места и улететь прочь. Девушка уже потеряла ориентацию, не отличая, где стены, а где потолок, и просто, раз за разом отталкивается от поверхности, стараясь хотя бы на секунду оказаться рядом с целью.

В какой-то момент дрон загнан в угол, но вместо попыток ускользнуть от приближающейся участницы, робот выплёвывает из себя новую порцию шаров. Ким не успевает уклониться, и ей приходится принять удар.

Чёрный шар касается плеча девушки — ничего не происходит. Она расслабляется, пока красный пузырь не касается её спины. Шар лопается, разряд пробегает по всему телу, казалось бы, заставляя кости раскаляться, кровь кипеть, а лёгкие потратить весь запас кислорода на ещё не рождённый крик. Боль чуть не лишает участницу сознания — ей

требуется время, чтобы прийти в себя.

— К разряду можно привыкнуть, — шепчет сам себе наблюдающий за происходящим Ума, — но всё равно будет больно, очень больно.

Дрон тем временем успевает улететь в другую часть комнаты, и Ким, безмятежно парящая после расслабляющей порции боли, замечает одну важную деталь: робот, не стесняясь, расталкивает столь смертельные для человека красные шары, но чёрные он облетает стороной…

— Попался, — шепчет пересохшими губами девушка, и, оттолкнувшись от ближайшей поверхности, летит вдогонку.

Уклоняться от красных, бить по чёрным. Уклоняться, бить, преследовать. Раз за разом посылать чёрные шары в дрона, вынуждая цель панически менять траекторию. Охота превращается в логическую игру: анализ, инстинкт, навык. Преследовать, загонять, уклоняться. Следить, чувствовать, не отступать…

Ошибка. Полагая, что она загоняет добычу, девушка не заметила, как летун сплёл собственную сеть из красных пузырей, методично стягивающихся к наглому человеку. Шары приближались — нужно было действовать. Вся гибкость, на какую она была способна, весь страх и нежелание умирать позволили Ким продержаться ещё несколько минут. Скользя в пространстве между убийственно опасными шарами, девушка позволила обмануться ложной надеждой на успех… Осознание звука лопающегося пузыря приходит раньше боли… Хлоп — терпеть. Хлоп… Хлоп, хлоп, хлоп — агония. Боль сливается в единый поток мучений. Крик застывает где-то внутри. Все мысли в голове захлёбываются лишь одним желанием: прекратить происходящее… Сознание разрывается на части…

Конец… Конец? Гравитация возвращается. Сквозь дымку боли кто-то предлагает ей вернуться. Дверь открыта. Плохо соображая, девушка проходит в проём и оказывается со своей командой. Без сил садится на пол, на салатовую часть круга. Плохо. Очень плохо…

— Что произошло? — шепчет она. Все молчат. Ким переводит взгляд с одного члена команды на другого, пока её внимание не привлекает окровавленная повязка на глазах Винсента. Осознание чего-то ужасного холодом оседает внутри…

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ??? — не выдерживает девушка…

***

Скользя в пространстве между убийственно опасными шарами, девушка позволила обмануться ложной надеждой на успех… Осознание звука лопающегося пузыря приходит раньше боли… Хлоп — терпеть. Хлоп… Хлоп, хлоп, хлоп…

Участники наблюдают, как их подруга извивается от череды невыносимых разрядов.

— Останови это! — требует у программы Тесса, делает шаг по направлению к центру, однако дуло турели пристально смотрит на участницу, не советуя сходить со своего цвета.

— Мы хотим воспользоваться возможностью спасения члена команды! — выкрикивает Ума. Проекция огорчённо качает головой: «У вас недостаточно баллов».

— Я могу обменять часть тела на баллы прямо сейчас? — фея подлетает к самому лицу

ведущего.

«Этого правила не запрещают», — отвечает изображение мужчины.

— Винс, нет! — ахает Тесса.

— Сколько стоит глаз?

«Один глаз — три балла».

— Я хочу обменять два глаза.

«Вы уверены?»

— Да!

Тот час на авинца с потолка прыгает механизированное существо. Бот-хирург подобно пауку обхватывает участника и начинает выжигать ему глаза. Винсент не может не поддаться боли, когда лазер начинает выжигать часть его самого. Немой вопль клокотанием вырывается из горла. Картина происходящего подкашивает команду: Ума хватается за голову и начинает смеяться, Тессу тошнит, Док молча оседает, Кун бледнеет, но не отводит взгляда до самого конца…

Паукообразная тварь, наконец, отпускает свою жертву и в один прыжок оказывается на потолке. Винсент неподвижно лежит на гладкой поверхности пола. На экране по-прежнему извивается их подруга. Пузыри один за другим стягиваются к ней, вынуждая парящее тело выгибаться в болезненных позывах.

— Освободи её, освободи, освободи, освободи! — нервно смеётся Ума.

«Принято, вы сжигаете пятнадцать баллов, чтобы спасти члена команды. На текущем счету остаётся ровно один балл».

Ким перестаёт судорожно трястись. Грав-лучи бережно опускают её на пол, где она некоторое время приходит в себя. Голограмма ведущего исчезает, чтобы оказаться рядом с участницей и попытаться привести её в чувства. К тому времени как программе это удаётся, Винсент поднимается, ловит брошенный Доком бинт и перевязывает пустые глазницы, не замечая, как по щекам пробегаю капли крови. Когда Ким возвращается в комнату — слёзы участников окончательно высыхают. Девушка садится на пол…

— Что произошло? — шепчет она…

***

— Как вы могли?

— Деточка, не вини себя это был его выбор.

— Я об этом не просила!

— Всё равно мне глаза ни к чему, для меня это рудиментарный орган.

— Не смей говорить, что это ничего не стоило!

— Это стоило многого, и именно поэтому ты осталась жива, а это главное.

— Оставьте меня в покое!

«Время продолжать игру, ребятушки! В этот раз жребий пал на синий цвет, а это значит, что у нас есть испытуемый!»

— Пусть каждый сделает по мелкой ставке, и тогда мы уже сможем кого-нибудь спасти, — бросает монах, направляясь к открывшейся двери…

***

Ума прыгал, и прыгал, снова и снова. Как только он касался пола, из стены появлялись лезвия, с явным намерением отрезать участнику ноги. Бесконечно долгие минуты движения, состоящего из непрерывных прыжков. Условие, что вынуждает рассчитывать только на себя. Испытание, где стоит опасаться не физического истощения, а морального.

Испытание — «попрыгунчик». Цель — выжить в течение десяти минут.

Десять минут. Именно столько он должен был продержаться, чтобы победить. Было страшно. Тревога упиралась в рамки сознания и выливалась через край. Но тревогу вызывало не усиливающаяся боль в ногах, не скрежет лезвий, а осознание утраты чувства времени.

Пустая комната, порхающий в воздухе участник, и лёгкое пение появляющихся лезвий. Скучная картина, приковавшая к себе внимание только от того, что сменись она изображением отрезанных конечностей, и пятеро ни в чём не повин… ладно, не сильно повинных людей станут на один шаг ближе к смерти.

Поэтому Ума прыгал. Снова и снова. Стараясь не забивать голову плачевными картинами возможной неудачи. Монах прыгал кругами, стараясь как можно дольше задержаться в воздухе. Сальто, рондад, твист. Юноша прыгал и кружился, кружился и прыгал, забывая, зачем он продолжает это делать. Боковое сальто, двойное сальто, затяжное сальто. Это напоминало тренировки в монастыре, когда один беззубый старик смеялся над неуклюжими движениями ученика…

Оттолкнуться от стены, плавно приземлиться, только чтобы снова взмыть над землёй. Кружение, полёт, приземление. Прыжок, вращение, приземление…

***

Слепящий луч набирал свой бег, готовясь выискать очередную жертву. Участники шёпотом о чём-то спорили. Потный и уставший капитан сидел на полу и обдумывал важное решение. Испытание «попрыгунчик» принесло им десять баллов. Плюс балл, что оставался с жертвы авинца и принёсший ещё балл от ставок. Плюс баллы за ставки в виде пальцев, глаз и ушей в последнем испытании. Благо — он не погиб и остальные продолжали игру в целости. В общем, у них насчитывалось девятнадцать баллов. Нужно было выводить кого-то из игры…

— Конечно, давайте меня, — холодно улыбается Ким, — вы ведь так мало ради меня сделали.

— Не злись, — успокаивает подругу Тесса, — тебе отдых нужен больше, чем нам.

— Нет! — в спор встревает молчавший до сих пор Ума. — Нужно освободить Дока. Врач в данной ситуации важнее любого из нас.

— Ты что! Посмотри на Винса: я как врач не могу позволить ему подвергаться опасности!

— Я не вижу особой разницы, — пожимает плечами монах, — эй, ведущий, кто из команды может распределять баллы?

«Любой член команды может делать ставки на уже имеющиеся баллы, однако только капитан принимает решение об их распределении, если капитан мёртв, то решение принимается большинством голосов».

— Отлично, освободи «красного» игрока.

— Нет! — кричит кто-то, но уже слишком поздно. Часть пола под ногами Дока перестаёт светиться, и турель снимает участника с прицела.

«Поздравляю! Вы покинули круг истязания! Можете присесть в уголке отдыха, или же продолжить прохождение уровня самостоятельно. На балансе команды осталось четыре балла. Продолжим!»

Док плетётся к прозрачным сиденьям, чтобы обречённо развалиться в одном из них. Проектор замедляет свой бег, и луч света останавливается на розовой части круга…

«Какая удача! На выбранной доле отсутствует участник! Вы получаете десять баллов! Продолжим!»

***

«Разорение гнезда». Миссия: разбить яйцо, охраняемое защитником. Ставка — четыре балла и жизнь каждого члена команды, находящегося в кругу.

Монах мягко вошёл в комнату. Начал разминаться, попутно изучая место испытания. В центре комнаты стояло огромное (с полметра в высоту) яйцо. В самом центре очерченного круга. И внутри этого круга блуждал вооружённый копьём боевой гомункул. Дроид был защищён броней, и сильно отличался от вчерашних тварей. Защитник вёл себя почти по-человечески: движения, поступь, стойка. Конструкция из синтетических био-волокон делала его почти неуязвимым для рукопашной схватки.

Благо, вдоль стены висели всевозможные орудия ближнего боя. Копья, сабли, мечи, топоры, цепы…

Ума решает не терять времени: хватает со стены одно орудие за другим и, метая их в яйцо, юноша вынуждает дроида принять на себя удар. Копьё защитника приходит в движение и отбивает каждый брошенный снаряд. Быстро, слишком быстро. Звон падающих мечей не прекращается до тех пор, пока на стене не остаётся меньше половины предоставленного арсенала. Монах меняет стратегию и за два вдоха покрывает расстояние до гомункула. Секунда тишины, пока юноша не пересекает границу круга.

Ума подхватывает с пола меч, и бьёт по врагу. Защитник без особого труда отбивает сталь, и наносит ответный удар в сердце — уклониться. Ударить снова, до болезненной отдачи в руках — металлическое копьё дроида без труда выдерживает любую атаку. Отпрыгнуть, ударить, отпрыгнуть. Кривой меч раскалывается, становясь бесполезным обрубком. Робот атакует — монах, бросая в противника остаток меча, разрывает дистанцию. Бесполезно: копьё целит в голову, и юноша уходит в перекат, неосознанно хватая с пола двуручный топор. Металл сталкивается с металлом: раз, другой, третий — дроид теснит человека. Звон, искры, боль в

руках. Древко топора с треком ломается пополам — Ума выпрыгивает за пределы круга, и защитник прекращает преследование.

Зацепить ногой цепь, подкинуть в воздух, и с размаху бросить во врага. Цепь окутывает робота, обездвиживая его и позволяя участнику приблизиться — нет, дроид разрывает путы, и юноша вынужден уйти от встречного удара. Ума хватает с пола два клинка и снова сходится с гомункулом. Звон, искры, боль. Враги метаются внутри круга, показывая всё, на что способны и дожидаясь ошибки оппонента. Крутнуться, ударить, парировать, уколоть. Копьё в опасной близости рассекает воздух, клинки скользят по доспеху, не способные даже оцарапать… Звон, скрежет, звон. Сила против скорости, умение против стойкости, жизнь против смерти.

Защитник выбивает один из мечей, копьё бьёт по ногам — Ума прыгает и, крутнувшись в воздухе, обрушивает на врага меч. Затяжной звук от удара — монах отбрасывает поломанный клинок. Пропуская над собой остриё, прыгает противнику в ноги, валит дроида на пол. Искусство шестое — линцуань. Техника связующего проклятья… Бесполезно: у боевых гомункулов нет ни суставов, ни позвонков. Изогнув свободную руку под невероятным углом, робот сбрасывает с себя человека.

Монах не успевает встать, когда над ним нависает фигура с занесённым для удара копьём. Защитник бьёт, Ума улыбается и тянет за обрывок цепи. Цепи, что секундой ранее в ближнем контакте успел обмотать вокруг вражеской ноги. Импровизированные оковы натягиваются, и гомункул падает навзничь.

Участник пользуется моментом и в два прыжка оказывается в самом центре круга. Оказывается подле гигантского яйца — единственного, что может прекратить этот бой. Другого шанса может и не быть — подхватив очередной топор, юноша вкладывает все силы в один единственный удар… Звон, гул, вибрация, отдающаяся в руки — топор отскакивает от скорлупы, даже не поцарапав.

«Нет, нет, нет…»

Осознание приходит почти сразу: ни одно оружие не разобьёт это яйцо. Хотя…

Копьё со свистом рассекает воздух, и монах успевает пригнуться. Бьёт противника наугад, только чтобы лишиться оружия. Чудом уклоняется от следующего выпада, но остриё всё же задевает голову, и кровь не медлит залить лицо. Металл бьёт по ноге, по рёбрам — Ума почти падает. Защитнику остаётся только добить врага.

Дроид без колебаний пронзает участника… Нет, монах успевает развернуть корпус по движению удара. Копьё врезается в скорлупу. Треск: остриё проходит яйцо насквозь — тишина.

Юноша боится поверить в осознание произошедшего… Яйцо уничтожено. Защитник огорчённо гудит, и переходит в режим ожидания. Всё оружие «притягивается» обратно к стене, не давая возможность забрать его с собой.

Утирая кровь с лица, капитан плетётся к двери…

***

Пятьдесят восемь баллов. Именно столько они получили, когда Ума вернулся на своё место. Этого хватает на то, чтобы девушки и Винсент вышли из игры.

Тринадцать баллов.

Док с облегчением прячет гранаты обратно в рукава, а Ума и Кун наблюдают, как луч замедляет свой бег и останавливается на одном из пустых делений круга.

Двадцать три балла.

Теперь можно расслабиться и подождать очередного решения программы. Даже если луч укажет на кого-то из них — баллов хватит, чтобы спасти участника во время испытания. Ума вздрагивает, когда луч пробегает по его делению: юноша не уверен, что выдержит ещё одно испытание. Случай выбирает фиолетовый — фиолетовый пустует.

Тридцать три балла.

Круг гаснет. Турели обиженно прячутся куда-то в потолок. Проекция ведущего исчезает. Игра окончена — в полу открывается люк. Команда Алактума неуверенно подходит к проёму. Док наспех перевязывает порезы капитана.

— Будем прыгать?

— Может отправим кого на разведку?

— Дамы вперёд.

— Мы за эру феминизма.

— Стойте, там что-то есть!

Из дыры в полу вырывается небольшое существо, по форме напоминающее комок шерсти. Трясущийся комок шерсти с пушистым хвостом и трусливо выпученными глазами. По комнате разносится писк. Писк рождает головную боль. Боль лишает чувств. Участники падают на пол. Пси-атака ломает блокаду сознания, прорывается в саму суть и сеет хаос. Боль, отчаяние, страх, неуверенность, слабость, муки, раскаяние, потеря…

028

«Учитель? Я не понимаю. Почему я здесь? Они кричат. Они продолжают кричать. Гораздо громче, чем в моих кошмарах. Что происходит? Не смейтесь. Я пытаюсь понять. Я знаю, что не должен быть здесь. Где же я? Что я помню? На моих руках кровь. Нет — не то. Это всё не может быть правдой. Я же не сплю. Всё слишком яркое, слишком много боли. Я уже и забыл, как больно что-то чувствовать. Я знаю, я пытаюсь вспомнить. Голова раскалывается. Что я помню о модифицированных существах? Я должен вспомнить. Почему-то я считаю это важным. Я должен… Животные на пороге формирования сознания как оружие для проведения пси-атак. Да, это важно. Но почему? Я не могу вспомнить. Моя защита рухнула. Я не могу отсюда выбраться… Простите, учитель, я никогда не мог в должной степени противостоять пси-воздействию. Я всего лишь неудачный эксперимент вашего учения. Плохой боец, плохой монах, друг и капитан. Позвольте мне упиться в своей боли. Позвольте мне забыться в кошмаре. Я это заслужил… Всё-таки я недостаточно силён…»

«Арена. Кровь. Клинок. Крик. Я и есть арена! Я и есть клинок! Посмотри на меня, Барон! Смотри на меня снова и снова. Я именно то чудовище, что ты взрастил своей больной любовью! Хантер-вариор, зверь-убийца. Ты выжег меня дотла. Осталось лишь чёрное пламя — порождение смертельной муки. Я дарую тебе эту боль, возвращаю страдания, тысячекратно усиленные моей ненавистью. Не смей умирать так быстро! Хорошо. Ты оживаешь. Нет — не ты. Я не могу тебя убить. Я ничего не могу тебе сделать… Где же он, где Зверь? Проснись, ягуар!

Сорви оковы! Я больше не хочу этого! Хватит! Они не заслужили смерти. Я не хочу больше ощущать смрад твоего дыхания. Мне достаточно закрыть глаза, чтобы ты начал со мной говорить. Но ты не говоришь. Ты больше не я. Я больше не я. Слишком много боли. Я устал убивать. Арена. Арена высасывает меня досуха. Почему я всё ещё жив? Я хочу убить каждого, кто потешается нашими смертями. Банальная месть сводит меня с ума. Я не могу… Только не опять. Я не должен быть здесь. Проснись, зверь! Помоги мне! Только не арена, только не снова… Лучше бы я умер… Но я не умираю… Снова Арена, снова кровь, клинок и крик…»

«Где я? Почему все плачут? Плачут пиратские капитаны, плачут корсары, что без слёз принимали любые увечья. Почему я должна переживать это снова и снова? Я больше не могу тебя хоронить — открой глаза, прошу. Не смотрите так на меня. Мне не нужна ваша жалость! Ненавидьте меня, презирайте, но не жалейте. Дедушка, почему только ты не плачешь? Почему не пытаешься его разбудить? Он ведь не мог умереть! Сейчас тебе не нужно быть сильным, деда, я устала от твоей непроницаемости! Снова и снова, почему это никак не кончится? Я же переживала это уже сотни раз. Почему я слышу только свои собственные мысли? Отпустите меня, прошу… Нет, я не сломаюсь. Я знаю, что должна сделать, не нужно мне напоминать. И имя моё будет нести смысл возмездия, пока я не исполню свой долг! Почему вы отводите взгляд? Почему мне никто не верит? Я справлюсь! Я сделаю то, что должна! Не отпущу! Не отступлю! Я уже слишком долго стою над капсул-гробом, чтобы суметь простить. Это невозможно забыть. Семья и дружба. Я выбираю семью. Я сделаю выбор по нашим законам, чего бы мне это не стоило. Я приведу ЕГО сюда, того, кто стал причиной этого дня. Моя добыча, моё бремя, моя ответственность. И пусть ваши взгляды не меняются — я всё равно пойду до конца. Можете думать, что, оставляя эту задачу мне, вы ограждаете меня же от очередной утраты, но я вижу всё совершенно в другом цвете…»

«Откуда эта боль? Боль, вызванная эмоциями, не физическим нарушением, не травмой. Нужно понять. Я же врач, я должен разобраться. Это всего лишь сигналы мозга. Базовая психология. АААААА! Боль усиливается. Чувства отвлекают. Никогда не любил психофизиологию. У меня галлюцинации? Нужно понять: что реально, а что нет. Боли нет, боли нет, боли нет. Почему я плачу? Нет времени, я же должен спасти её. Опять… Опять? Она умирает у меня на руках, а я не могу собраться, потому что знаю, что не смогу провести операцию. Нет, знание тут не причём — я помню. Я уже был здесь. Я уже терял её. У меня нарушение? Кровь не останавливается. Ей больно, и от этого мне больнее в тысячу раз. Чувство утраты, эмоции… Времени нет, нужно её спасти. Но я опять допускаю ошибку, как же так? Раз за разом я допускаю одну и ту же ошибку. Она же ни в чём не виновата! Почему я не могу выполнить всё правильно? Я рыдаю снова и снова, но легче не становится. Я пытаюсь понять, честно, стараюсь разобраться. Соберись, соберись, соберись! Нет! Только не снова, я этого не вынесу! Что со мной? Расстройство, вызванное неудачей и повлёкшее травму такого масштаба, что я не способен поставить диагноз самому себе? Не верю. Я не мог сойти с ума, не может быть, я не могу переживать один и тот же момент вечно… В бездну! Она же умирает! Нужно попытаться ещё раз. Пока не получиться. Ахгх! Руки подводят, мысли сбиты, но мне нужно собраться! Прижечь рану. Нет, слишком поздно, она уже мертва. Мертва? Тогда почему я снова пытаюсь её спасти? Космо! Если это ты, если слышишь меня, умоляю, прекрати! Не ради меня, ради неё. Я устал от бессмысленности попыток, я не могу спасти, зачем мне продолжать пытаться? Почему я продолжаю пытаться? Разрез, отжим, прижечь рану…»

«Что-то тараканом въедается мне в голову. Оно пытается пробиться сквозь мою личность, мою индивидуальность, оно смеет надеяться высосать мой мир. Я раздавил бы тебя, тварь, если бы они не кричали — не в слух: меня оглушают их чувства. Моя команда застыла в моменте личного ужаса, и я хочу им помочь, однако то, что они переживают, и не даёт мне сосредоточиться. Боль справа, боль слева, сверху, снизу — они рыдают, каждый из них. Волны

эмоций сковывают меня выжигающим холодом, не дают сосредоточиться на первоисточнике боли. А тварь в моей голове вгрызается всё глубже. Покажись! Не смей приближаться к моим воспоминаниям! Ты всё равно не сможешь использовать их против меня. Давай, пытайся! Вперёд! Можешь метаться по моей памяти — рано или поздно я тебя поймаю… Как смело: ты используешь образы всех, кого я когда-либо любил. Слабовато. Дальше — утрата. Конечно, куда же без смертей. Дальше — обещания… Слишком близко. Это становиться опасным. Я не должен пустить тебя дальше, тварь. Как тебе удаётся продолжать? Нет, это становиться невыносимо. Даже для меня. Трясёт от чужой боли, меня накрывают не воспоминания, ты используешь память пережитых мной эмоций. Хитрое насекомое… Кажется, у меня не получится… Тебе таки удалось вытащить и мою боль…»

«Нет, не делайте этого! Прошу! Глава клана, я приму любое наказание, только не заставляйте своего сына… Нет! Молодой господин, что с Вами? Вы не должны этого делать, Ваша родословная, честь семьи, одарённость — всё это не должно определять Вашу судьбу. Я верю в это. Я знаю, что Вы за человек… Что происходит? Почему глава клана не пытается нас остановить? Почему позволил сбежать? Почему Вы не рады, молодой господин? Что с Вами? Нет, не верьте словам своего отца! Вы — не он! Вы — хороший человек. Вы заслуживаете хорошей жизни, и я пойду на любые жертвы, чтобы позволить Вам уйти… Я не понимаю, что происходит. Это не может быть правдой. Вы не должны быть здесь, мы не должны были встретиться. Я не помню ни где я, ни как сюда попала. Почему мне так холодно? Нет, только не смотрите таким взглядом, молодой господин! Вы не должны превращаться в своего отца, Вы не обязаны становиться главой. Нет! Я не верю! Прекратите! Они же ничего Вам не сделали! Не смейтесь, прошу, это ужасно. Я не верю, что глава был прав… Я не хочу возвращаться… Молодой господин? Нет, прошу, не стоит ничего доказывать своей семье, этим ничего не решить! Можно всё исправить. Ещё можно уйти. Не заставляйте меня выбирать между Вами и кланом. Тогда я сделала выбор и не сожалею. Теперь я буду сожалеть при любом раскладе. Не делайте этого… В-вы… простите меня… я не смогла сдержать обещание, и защитить Вас от проклятого греха семьи… Мне… так… жаль…»

http://tl.rulate.ru/book/8500/202219